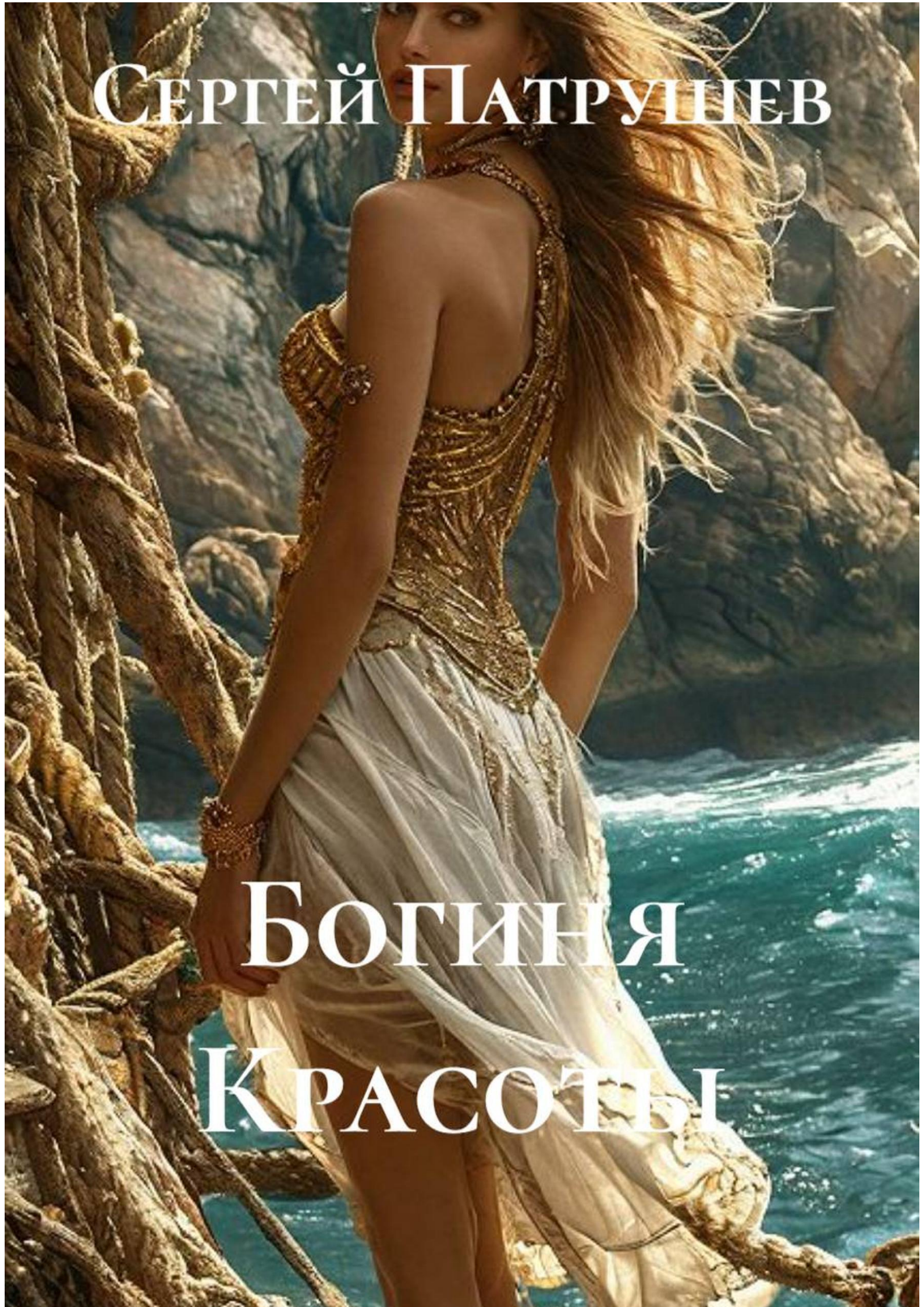

A full-page photograph of a woman with long, flowing blonde hair, seen from the back and slightly to the side. She is wearing a halter-neck dress with a gold-embroidered bodice and a white, pleated skirt. She is standing on a rocky shore, holding onto a thick, gnarled rope that runs diagonally across the frame. The background shows a blue sea with white waves crashing against the rocks. The lighting is warm, suggesting a sunset or sunrise.

СЕРГЕЙ ПАТРУШЕВ

БОГИНЯ
КРАСОТЫ

Сергей Патрушев
Богиня Красоты

«Автор»

2026

Патрушев С.

Богиня Красоты / С. Патрушев — «Автор», 2026

Она была самой желанной женщиной города. Мужчины дарили ей бриллианты, корабли и свои души, но она хотела большего, того, о чём шептались лишь в портовых тавернах, крестясь и понижая голос. Говорили, что далеко в море есть остров, которого нет на картах, что там, в пещере, заваленной золотом до самых сводов, спит тот, кто исполняет желания, но не так, как в сказках. Она отправилась туда. Теперь у неё есть всё о чём мечтают смертные, но её слёзы превращаются в бриллианты, отражение пугает её саму, а море молчит, храня то, что видели лишь чайки и туман. Иногда с берега слышен смех.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Золотая клетка	5
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Сергей Патрушев

Богиня Красоты

Глава 1. Золотая клетка

Солнце этого огромного, безжалостного и вечно спешащего мегаполиса, раскинувшегося далеко за горизонтом, в это утро, как, впрочем, и в любое другое утро, пахло исключительно деньгами, причем деньгами настолько большими, что их аромат, казалось, был вплетен в самую молекулярную структуру воздуха, которым дышали обитатели верхних этажей небоскребов, парящих над городской суетой подобно стеклянным монолитам, стремящимся пронзить небесную твердь. Этот вездесущий, всепроникающий свет, рожденный гигантским огненным шаром, висящим в выцветшей от смога синеве, бесцеремонно и настойчиво просачивался сквозь безупречно чистые, от пола до потолка, панорамные окна роскошного пентхауса, заставляя бесчисленные хрустальные подвески огромной, похожей на застывший взрыв сверкающих осколков, люстры вспыхивать и переливаться мириадами ослепительных алмазных искр, которые, в свою очередь, разбегались по стенам, мебели и полу причудливыми солнечными зайчиками, создавая иллюзию того, что само пространство наполнено жидким, текучим золотом. Этот же самый наглый, вездесущий свет лениво, словно пресыщенный любовник, растекался по невесомым, шелковым простыням цвета слоновой кости, заставляя их сиять и переливаться, будто они были сотканы не из нитей тутового шелкопряда, а из тончайших лучей утренней зари, и от этого казалось, что кровать, занимающая центральное место в спальне, является не просто предметом мебели, а неким сакральным алтарем, предназначенным для поклонения самой красоте.

Афродита, единственная и неповторимая властительница этого царства роскоши и утонченного вкуса, лежала в самом центре этого всепоглощающего сияния, раскинув руки в стороны и погрузившись в пуховую мягкость бесчисленных подушек, и её взгляд, лишенный какого-либо выражения, был устремлен в потолок, украшенный искусной, многоярусной лепниной, изображающей античные сюжеты, которые, по иронии судьбы, рассказывали о богах и героях, чья жизнь была наполнена страстями, подвигами и борьбой, в то время как её собственная жизнь, при всем её внешнем великолепии, напоминала застывшее, лишённое всякого движения болото, в котором не было места ни страстям, ни подвигам, ни, тем более, борьбе. Её тело, совершенное, как творение великого скульптора, отточившего каждую линию до абсолютного, почти математически выверенного идеала, утопало в этой мягкости и неге, но сама она, вопреки всей окружающей её гармонии и комфорту, чувствовала себя замурованной в слиток этого самого золота, которое она так отчаянно ненавидела, и из этой золотой темницы, казалось, не было выхода, поскольку стены её были возведены не из кирпича или бетона, а из чужих денег, чужого восхищения и, что самое унижительное, чужой похоти, которую она должна была принимать как должное.

Где-то далеко внизу, за толщей бетона, стали и стекла, отделявшей её от остального мира, шумел, гудел, ревел и жил своей бурной, хаотичной, но такой настоящей жизнью огромный город, который никогда не спал, но здесь, на головокружительной высоте птичьего полета, куда не долетали ни звуки сирен, ни гул автомобильных моторов, ни голоса людей, царила стерильная, вакуумная, почти невыносимая тишина, которая давила на барабанные перепонки с такой силой, что порой ей казалось, будто она слышит, как течет кровь в её собственных жилах, и эта

тишина была настолько гнетущей, что предпочтительнее было бы слышать рев тысячи автомобильных клаксонов, сливающихся в единый, оглушительный, но живой гул, чем это мертвое, застывшее безмолвие, пропитанное запахом дорогих духов и одиночества.

Она лениво, словно преодолевая сопротивление невидимой толщи воды, повернула голову в сторону, и её взгляд, скользнув по смятым простыням, наткнулся на предмет, лежащий на соседней подушке, который, казалось, был оставлен здесь специально для того, чтобы напомнить ей о её положении. Это был массивный, невероятно дорогой браслет из белого золота, щедро усыпанный множеством крупных, идеально ограненных бриллиантов, которые в лучах утреннего солнца переливались всеми цветами радуги, разбрасывая вокруг себя снопы ярких, холодных искр, преломляя свет и заставляя его играть на атласной поверхности подушки. Это был очередной дар, очередная попытка купить её благосклонность, очередное доказательство того, что в этом мире все имеет свою цену, и она, увы, не была исключением из этого жестокого, но непреложного правила. Афродита даже не могла с точностью вспомнить, от кого именно был этот браслет, хотя память её была цепкой и натренированной на деталях. Кажется, от того лысеющего, пожилого, но невероятно самоуверенного банкира, который вчера весь вечер не сводил с неё своих сальных, похотливых глаз и пускал слюни на её декольте в театре, во время скучнейшей оперы, которую она вынуждена была слушать, изображая заинтересованность. Или же от молодого, горячего, но такого же предсказуемого наследника нефтяной империи, который из всех сил пытался поразить её не столько своей щедростью, сколько наивной, почти детской верой в то, что блеск металла способен заменить блеск в глазах и вызвать в ней хоть какие-то чувства, кроме скуки и легкого презрения.

Она резко села, откинув одеяло одним нетерпеливым движением, словно сбрасывая с себя оковы, которые держали её в плену этой роскошной постели. Прохладный, скользкий шелк простыней обжег её разгоряченную кожу, вызвав привычное, но от этого не менее неприятное ощущение прохлады, которое, казалось, проникало гораздо глубже, чем поверхностный слой эпидермиса, достигая самых костей. Её босые ноги, узкие и изящные, с идеальным педикюром, коснулись пушистого, невероятно мягкого ковра ручной работы, сотканного, как гласила легенда, где-то в труднодоступных, высокогорных селениях Непала, мастерицами, которые вкладывали в каждый узелок частичку своей души, и от этого ковер казался не просто предметом роскоши, а произведением искусства, которое она, впрочем, не ценила.

Афродита медленно, словно лунатик, подошла к огромному, в человеческий рост, зеркалу, оправленному в тяжелую, витиеватую раму из темного, почти черного дерева, покрытого искусной, ручной резьбой, изображающей виноградные лозы и диковинных мифических существ, и замерла перед ним, пристально и беспощадно разглядывая свое собственное отражение, которое, казалось, жило своей собственной, отдельной от неё жизнью. Богиня. Иначе и не скажешь. Это слово, словно приговор, эхом отдавалось в её сознании, преследуя её повсюду, как приклеенный ярлык, от которого невозможно было избавиться.

Из зеркальной глубины на неё смотрела женщина, чья красота была не просто щедрым даром природы, а каким-то непостижимым, почти божественным проклятием, которое навсегда отделило её от остального мира, воздвигнув между ней и людьми невидимую, но непреодолимую стену отчуждения и зависти. Безупречный, словно вычерченный по линейке, овал лица, высокие, аристократичные скулы, нежная, сияющая ровным фарфоровым светом кожа, без единого изъяна, без малейшего намека на несовершенство, и губы, изогнутые в легкой, едва уловимой полуулыбке, которая сводила мужчин с ума, заставляя их забывать о женах, детях, деньгах, принципах и здравом смысле, превращая их в послушных рабов её красоты. И,

наконец, глаза. Огромные, миндалевидные, обрамленные густыми, темными ресницами, цвета грозового неба перед бурей, они, казалось, проникали в самую душу собеседника, видя его насквозь, обнажая самые потаенные, самые грязные уголки его сознания, отчего становилось не по себе, и в то же время оторваться от этого пронзительного взгляда было невозможно. А волосы... каскад тяжелых, платиновых, струящихся волос, рассыпающихся по плечам и спине, словно жидкий, расплавленный свет, обрамлял её лицо, придавая ему ещё более неземной, почти нереальный вид, превращая её в существо иного порядка, сошедшее с картин прерафаэлитов.

Внешность была её капиталом, её оружием, её проклятием и её тюрьмой одновременно. Она была тем самым золотым ключиком, который отпирал любые двери, но в то же время именно она навсегда заперла её саму в этой золотой клетке, из которой не было выхода, потому что мир упорно не желал видеть за этой ослепительной оболочкой живую, думающую, чувствующую женщину.

Она медленно, почти машинально провела рукой по своим волосам, и они рассыпались под её пальцами электрическими, потрескивающими искрами, словно живые, сопротивляясь её прикосновению. Мужчины называли её ангелом, богиней, мечтой, воплощением всех их фантазий. Они осыпали её драгоценностями, забрасывали цветами, посвящали ей стихи и картины, бросали к её ногам целые состояния и рушили собственные семьи, умоляя лишь об одном — о капле её благосклонного внимания, о мимолетном взгляде, о случайном прикосновении. Они говорили, что готовы умереть за неё, что жизнь без неё теряет всякий смысл, что она — их наваждение, их рок, их погибель. Но никто из них, ни один из этих многочисленных, богатых, влиятельных и таких предсказуемых мужчин, никогда не спрашивал, чего хочет она сама. Их не интересовало её мнение, её мечты, её желания. Им был нужен лишь красивый трофей, который можно было бы демонстрировать окружающим, предмет гордости и зависти, символ их собственного успеха и превосходства.

А хотела она, на самом деле, многого. Хотела свободы. Не той жалкой, иллюзорной, ограниченной свободы, которую дают деньги её покровителей, а настоящей, абсолютной свободы, которая зиждется на несокрушимой, ничем не ограниченной власти, не зависящей от мимолетного восхищения толпы или благосклонности очередного толстосума. Она устала быть объектом. Вещью. Самой дорогой, самой желанной, самой красивой, но все-таки вещью, которую покупают, продают, дарят и передают из рук в руки. Её существование было целиком и полностью подчинено чужому взгляду, чужому мнению, чужой воле. Её ценность, как товара на витрине, определялась тем, насколько сильно и глубоко она смогла очаровать очередного обладателя тугого кошелька. Если завтра, в силу каких-то неведомых причин, её красота померкнет, если она исчезнет, растворится, потеряет свою магическую привлекательность, то весь этот мир, эта роскошная квартира, эти бриллианты, эти ухаживания, вся эта мишура, всё это испарится в одно мгновение, как утренний туман под лучами палящего солнца. И тогда останется лишь пустота. Всепоглощающая, черная, бездонная пустота.

Эта мысль, острая, как лезвие бритвы, жгла её изнутри, словно раскаленный уголь, причиняя почти физическую боль, которая не утихала ни на минуту. Она ненавидела эту унизительную зависимость, эту кабалу, эту золотую цепь, приковавшую её к батарее чужого эгоизма. Она ненавидела тошнотворно-сладкое, приторное чувство, которое возникало каждый раз, когда очередной поклонник смотрел на неё с обожанием, смешанным с возделением, и она, будучи актрисой поневоле, понимала, что должна поддерживать эту иллюзию, играть роль,

улыбаться и делать вид, что ей приятно, в то время как внутри неё все кипело от гнева и отвращения.

Сегодня утром эта ненависть, это отвращение, эта всепоглощающая пустота были особенно острыми, особенно невыносимыми, словно яд, скопившийся в её душе за долгие годы, достиг критической концентрации и грозил выплеснуться наружу, разрушив всё на своем пути.

Она решительным, почти резким движением накинула на себя шелковый халат цвета слоновой кости, искусно расшитый мелким, речным жемчугом, который мягко заструился по её телу, словно вторая кожа, и, даже не удостоив взглядом несчастный браслет с бриллиантами, оставшийся сиротливо лежать на смятой подушке, направилась в гостиную, ступая по мягкому ковру с грацией хищницы, вышедшей на охоту. Просторная, залитая ярким солнечным светом комната, служившая одновременно гостиной, столовой и местом для приема гостей, была образцом современного, дорогого, но абсолютно бездушного дизайна, лишённого какой-либо индивидуальности. Белоснежные, кожаные диваны, хромированные, блестящие детали, абстрактные, малопонятные картины на стенах, которые, вероятно, стоили целое состояние, но не вызывали в ней никаких эмоций. Всё это было куплено на деньги мужчин, которые стремились окружить её роскошью, не понимая, что настоящая роскошь — это не вещи, а чувства. Всё это было холодным, чужим и безликим. Даже цветы — огромный, пышный букет белоснежных орхидей, стоящий в центре журнального столика в вазе из венецианского стекла, — казались искусственными, безжизненными, хотя на самом деле были вполне настоящими, живыми, но уже обречёнными на медленное увядание в этой стерильной атмосфере. Просто ещё один атрибут роскоши, очередной бессмысленный дар, который должен был радовать глаз, но вместо этого лишь усиливал чувство тошноты.

Афродита бесшумно, словно призрак, прошла на кухню, обустроенную по последнему слову техники, со всей этой сверкающей хромированными поверхностями бытовой техникой, которая, казалось, была создана для того, чтобы удовлетворить любые, даже самые изысканные, кулинарные запросы, но которая в действительности была ей совершенно незнакома. Она даже не знала, как пользоваться половиной этих навороченных приборов, потому что ей никогда не приходилось готовить самостоятельно. Ей готовили приходящие шеф-повара из лучших ресторанов города, убирали горничные, приезжающие по расписанию, её жизнь обслуживали другие люди, невидимые и безликие, которые появлялись и исчезали, как тени, оставляя после себя лишь идеальный порядок и аромат дорогих чистящих средств. Она была центром этой маленькой, замкнутой вселенной, но при этом не имела к ней никакого отношения, словно была не хозяйкой, а лишь временным, дорогим, но легко заменимым украшением этого роскошного интерьера.

Она нажала кнопку на кофемашине, встроенной в кухонный гарнитур, и та с тихим, утробным жужжанием принялась молоть свежие кофейные зерна, наполняя воздух густым, пряным, бодрящим ароматом, который на короткое время перебил запах дорогих духов и одиночества, витавший в квартире. Аромат свежесваренного кофе немного примирил её с действительностью, вернув к реальности, от которой она так отчаянно пыталась убежать в своих мыслях.

С тонкой, фарфоровой чашкой, наполненной дымящимся, черным, как смоль, эспрессо, она подошла к панорамному окну, занимавшему всю стену гостиной, и устремила свой взгляд вдаль, туда, где раскинулся огромный, бесконечный, живущий своей собственной жизнью город, который, казалось, не замечал её существования. Город лежал перед ней как на ладони,

словно гигантский, живой организм, состоящий из бесконечных рядов высоток, уходящих в серую, затянутую смогом дымку горизонта, змеящихся, извилистых лент дорог, запруженных тысячами автомобилей, сливающихся в единый, движущийся поток, и крошечных, едва различимых фигурок людей, спешащих по своим делам, погруженных в свои заботы, радости и печали. У них была жизнь. Настоящая, пульсирующая, бурная жизнь, наполненная событиями, эмоциями, взлетами и падениями. Они любили, ненавидели, ссорились, мирились, радовались мелочам и горевали из-за пустяков. Их чувства были искренними, неподдельными, их слезы — настоящими, их смех — заразительным. А она... она была безнадежно, навсегда оторвана от всего этого, словно существо с другой планеты, наблюдающее за жизнью аборигенов сквозь толщу непроницаемого стекла. Она была как экзотическая, диковинная рыбка в дорогом, подсвеченном аквариуме, на которую приходят посмотреть, чтобы восхититься её необычной красотой, но никому даже в голову не приходит поинтересоваться, комфортно ли ей в этой хрустальной, золотой воде, не тесно ли ей в этих прозрачных, но непреодолимых стенах.

Афродита сделала маленький, почти незаметный глоток обжигающе-горячего кофе. Горечь напитка приятно обожгла горло, спускаясь вниз, оставляя после себя тепло и легкий привкус дыма, который, казалось, на короткое время заглушил горечь её собственных мыслей. Она невольно вспомнила вчерашний вечер, который был очередным звеном в бесконечной цепи светских мероприятий, обязательных для посещения. Благотворительный прием в музее современного искусства, собравший весь цвет местного общества. Очередное скопление разодетых в пух и прах павлинов, которые с важным, глубокомысленным видом обсуждали курсы валют, новые яхты и перспективы инвестиций, поглядывая друг на друга с плохо скрываемой завистью и презрением. Она была там, как всегда, самой яркой, самой ослепительной звездой, притягивающей к себе все взгляды, вызывающей всеобщий ажиотаж и перешептывания. Мужчины не сводили с неё жадных, восхищенных глаз, их спутницы, облаченные в не менее дорогие, но не столь выигрышные туалеты, бросали на неё полные ненависти, завистливые взгляды, словно она была их личным врагом, виновной лишь в том, что природа одарила её большей щедростью. Она же стояла с бокалом охлажденного шампанского в руке, изображая светскую любезность и скупающую отрешенность, в то время как её мысли были далеко-далеко, в местах, куда не было доступа никому из присутствующих.

К ней то и дело подходили, заводили бессмысленные, пустые разговоры, пытаясь привлечь её внимание, поразить своим остроумием или финансовыми возможностями. Все они были предсказуемы, как заезженная пластинка. Сначала — дежурный, шаблонный комплимент её внешности, произносимый с придыханием и заискивающей улыбкой. Потом — прозрачный, но неизменный намек на свои безграничные финансовые возможности, на связи и влияние. Затем — прямое, недвусмысленное предложение провести время вместе, в обстановке более интимной и располагающей. Она улыбалась своей фирменной, ледяной улыбкой, кивала, отвечала односложно, не вдаваясь в подробности, а сама в это время думала о том, как ей всё это смертельно надоело, как она устала от этого бесконечного, утомительного маскарада, от этой фальши, пропитавшей каждый сантиметр этого места.

Особенно настойчив и невыносим был тот самый лысеющий банкир, чье имя она снова не удосужилась запомнить, потому что все они сливались в её сознании в один безликий, серый поток. Он весь вечер, как назойливая, жирная муха, крутился вокруг неё, не давая проходу, то и дело пытаясь коснуться её руки, будто бы случайно, или фамильярно приобнять за талию, сокращая дистанцию до недопустимого минимума. Его маленькие, заплывшие жиром, сальные глазки бегали по её фигуре, мысленно раздевая её, срывая с неё одежду, и от этого неприкрытого, животного вожделения её передергивало. Он, несомненно, был богат. Очень богат. Его

состояние исчислялось, вероятно, цифрами с множеством нулей, которые обычному человеку сложно даже вообразить. Но от него за версту разило тяжелым, приторным, дорогим одеколоном, который смешивался с запахом пота и сигаретного дыма, создавая удушливую, тошнотворную смесь, от которой перехватывало дыхание. Этот запах, этот взгляд, эта наглость вызывали у Афродиты приступ дурноты, которую она с трудом подавляла.

Она смотрела на него, на его лоснящееся от пота лицо, на его бегающие глаза, на его толстые, униженные перстнями пальцы, и думала с холодным, почти клиническим презрением: «Неужели ты, со всеми своими миллионами, со всей своей властью и влиянием, не понимаешь, насколько ты жалок и отвратителен? Неужели ты не осознаешь, что твоя власть заканчивается ровно там, где начинается мой каприз, моя прихоть, моё нежелание иметь с тобой что-либо общее?»

Но она, разумеется, ничего этого не говорила вслух. Она лишь слегка, едва заметно улыбалась уголками губ, делала маленькие глотки шампанского и делала вид, что внимательно слушает его хвастливые рассказы о блестящих, гениальных финансовых операциях, о миллионных сделках, о том, как он ловко обвел вокруг пальца конкурентов. А в её голове, в это же самое время, звучала одна-единственная, навязчивая, как молитва, мысль: «Мне нужна не эта мишура, не эти подачки, не эти браслеты и кольца. Мне нужна власть. Настоящая, абсолютная, ничем не ограниченная власть. Власть, которая не исчезнет, не испарится, когда мне исполнится сорок, когда моё лицо покроется первыми морщинами, а волосы тронет седина. Власть, которую не нужно будет выпрашивать взглядом, улыбкой или прикосновением. Власть, которая будет принадлежать мне по праву, по закону, а не по милости какого-нибудь толстосума».

Ей нужна была империя. Своя собственная, построенная собственными руками, на собственные средства. Огромные, баснословные деньги, которые сделают её неуязвимой, недостижимой, свободной от любого влияния. Она хотела не просто купаться в роскоши, не просто пользоваться благами цивилизации, она хотела, чтобы эта роскошь принадлежала ей по праву, была результатом её собственного труда, её ума, её хитрости, её изворотливости. Она мечтала о том, чтобы мужчины приходили к ней не как к красивой, доступной игрушке, а как к равному партнеру, как к силе, с которой нужно считаться, которую нужно уважать и бояться.

Однажды, еще в далекой, полузабытой юности, когда она была совсем другой, наивной и доверчивой, она прочитала в какой-то книге фразу, которая врезалась в её память навсегда, став своеобразным девизом её жизни: «Красота — это обещание счастья». Но для неё красота стала обещанием, которое никто и никогда не собирался выполнять. Это было жестокое, циничное обещание, данное лишь для того, чтобы заманить её в ловушку, чтобы сделать её вечной должницей. Мужчины, очарованные ею, ослепленные её красотой, видели в ней не живого человека, не личность со своими мыслями и чувствами, а лишь символ, трофей, красивую картинку. Они хотели обладать ею, как обладают редкой, дорогой картиной, породистой лошастью или эксклюзивным автомобилем. Их восхищение было формой изощренного эгоизма. Они любили не её, а самих себя рядом с ней. Они гордились собой, своей властью, своим богатством, когда она шла с ними под руку, ловя на себе завистливые, полные вождельные взгляды других мужчин, которые, как они полагали, умирали от зависти.

Афродита рано, слишком рано поняла эту нехитрую, жестокую истину. И от этого понимания в её сердце, в её душе образовалась ледяная, выжженная пустыня, в которой не осталось места для чувств, для привязанностей, для любви. Она научилась пользоваться своей внешностью, как пользуются острым, хорошо заточенным ножом — холодно, расчетливо и беспо-

щадно. Она была благодарна природе за этот щедрый дар, который дал ей столько возможностей, но одновременно презирала себя за то, что без него она была бы, вероятно, ничем. Пустым местом. Серой, ничем не примечательной мышью. Её личность, её ум, её мысли, её чувства — всё это не имело ровным счетом никакого значения. Имели значение только гладкая, сияющая кожа, блестящие, струящиеся волосы и безупречные, соблазнительные пропорции тела.

Она снова, уже в который раз за это утро, подошла к зеркалу и внимательно, с пристрастием вгляделась в свое собственное отражение, словно пытаясь разглядеть за этой безупречной, отполированной до блеска внешностью ту, настоящую, скрытую от посторонних глаз женщину. «Кто ты? — спросила она себя мысленно, не ожидая ответа. — Кто ты на самом деле, Афродита? Что скрывается за этой маской богини, за этой ледяной, отрепетированной улыбкой?» Отражение в зеркале молчало. Оно лишь услужливо отражало её внешнюю оболочку, её телесную красоту, которая, как оказалось, была лишь красивой, дорогой упаковкой, за которой не было ничего. Внутренний мир оставался невидимым, невостребованным и никому не нужным.

Она прошла в гардеробную, представляющую собой огромную, отдельную комнату, сравнимую по площади с небольшой квартирой, заставленную от пола до потолка многочисленными вешалками с одеждой от лучших, самых престижных дизайнеров мира. Тысячи пар обуви, расставленных на специальных полках, сотни сумочек, разложенных в идеальном порядке, бесконечные ряды ювелирных украшений, хранящихся в сейфах и шкатулках. Это был музей её былых побед, своеобразная коллекция трофеев, добытых в ходе многолетней охоты на мужчин. Каждая вещь здесь была куплена на деньги того или иного поклонника, того или иного воздыхателя, который стремился таким образом завоевать её расположение. Воспоминания о них были такими же блеклыми, выцветшими и безликими, как этикетки на этой дорогой одежде. Она взяла первое попавшееся платье — нежно-голубое, из струящегося, неведомого шелка, которое, казалось, было создано для того, чтобы подчеркивать женственность. Надела его. Оно село идеально, как влитое, обрисовывая каждый изгиб её тела, подчеркивая достоинства и скрывая недостатки, которых, впрочем, у неё не было. Она посмотрела на себя в зеркало, висевшее в гардеробной. Безупречно. Как всегда. Словно этот наряд был сшит специально для неё, по индивидуальному заказу, хотя она даже не помнила, откуда он взялся.

Она вернулась в гостиную, держа в руках смартфон, который, как верный пес, следовал за ней повсюду. Десятки пропущенных звонков и непрочитанных сообщений. Имена, имена, имена... Они мелькали на экране, сливаясь в однообразный, серый поток. Она пролистывала их, не испытывая ничего, кроме нарастающего раздражения и глухого, безысходного отчаяния. Все они хотели одного и того же. Встречи. Внимания. Близости. Все они жаждали обладать ею, хотя бы на короткое время. Ей стало душно, невыносимо душно в этой огромной, роскошной, но такой холодной квартире. Захотелось вырваться из этого золотого плена, сбежать туда, где её никто не знает, где она сможет быть просто человеком, а не богиней, где её будут воспринимать не как красивую куклу, а как личность. Но она знала, что это невозможно. Что она сама, своими руками, воздвигла эту золотую клетку и заперла себя в ней. И что выбраться из неё будет невероятно сложно.

Но она не могла себе позволить слабость. Её жизнь — это череда бесконечных выходов в свет, приемов, ужинов, презентаций, на которых она обязана была блистать, очаровывать, пленять. Это была её работа. Её единственная доступная форма существования. И, возможно, ключ к той свободе, о которой она так отчаянно мечтала. Её красота была её единственным

активом, её стартовым капиталом, который она должна была использовать с максимальной выгодой, чтобы вырваться из этого порочного круга.

Она опустилась на белый кожаный диван, чувствуя, как мягкая, прохладная кожа обволакивает её тело, и уставилась в одну точку, невидящим взглядом уставившись на абстрактную картину, висевшую на противоположной стене. Пустота внутри росла, ширилась, заполняя собой всё пространство её души, вытесняя последние остатки надежды. Она чувствовала себя загнанной в угол, словно дикий зверь, попавший в западню. С одной стороны — ненавистная, унижительная зависимость от чужих денег, чужого восхищения, чужой похоти. С другой — леденящий, парализующий страх остаться одной, без всего, что у неё есть, без этой роскоши, без этого комфорта, без этой, пусть и иллюзорной, но стабильности. Она была слишком красива, чтобы жить обычной, серой жизнью. И слишком горда, чтобы довольствоваться ролью содержанки, вечной иждивенки, зависящей от прихотей своих покровителей.

Ей нужен был план. Четкий, дерзкий, гениальный план, который позволит ей обрести финансовую независимость и власть, к которой она так стремилась. Она не собиралась больше быть куклой. Она хотела стать кукловодом. И она знала, что её внешность — это мощнейший, почти абсолютный инструмент, который она может использовать для достижения своих целей, для манипулирования людьми. Вопрос лишь в том, как именно, каким образом применить этот инструмент с максимальной эффективностью.

Её глубокие, мрачные размышления были внезапно прерваны настойчивым звонком в дверь. Мелодичный, переливчатый перезвон, эхом разнесшийся по огромной, пустой квартире, нарушив тишину, которая, казалось, стала уже привычной. Она не ждала гостей. Никто не имел права приходить к ней без предварительной договоренности. Афродита нехотя, словно преодолевая сопротивление, встала с дивана и подошла к видеофону, встроенному в стену возле входной двери. На экране, слегка искажая изображение, появилось лицо молодого парня в униформе курьерской службы, который держал в руках огромный, пышный букет алых роз, перевязанный атласной лентой.

— Доставка для мисс Афродиты, — произнес он, глядя прямо в объектив камеры, и его голос, искаженный динамиком, прозвучал несколько механически и безлико.

— Оставьте у двери, — ответила она равнодушно, не желая открывать дверь и вступать в ненужный контакт с посторонним человеком.

— Простите, но мне нужно получить подпись, — настаивал курьер, и в его голосе послышались нотки растерянности и смущения.

Афродита тяжело вздохнула, чувствуя, как раздражение, словно кислота, разъедает её изнутри. Ей ничего не оставалось, как открыть дверь.

Когда она распахнула тяжелую, бронированную дверь, парень, стоявший на пороге, замер, словно громом пораженный. Его глаза, широко раскрытые, округлились от изумления, а рот слегка приоткрылся, как у рыбы, выброшенной на берег. Розы в его руках дрогнули, едва не выпав из ослабевших пальцев. Он стоял и смотрел на неё, не в силах вымолвить ни слова, ни пошевелиться, ни отвести взгляда. Это была обычная, предсказуемая реакция на её появление. Афродита давно привыкла к ней, как к восходу солнца, как к смене времен года, как к чему-то неизбежному и само собой разумеющемуся.

— Доброе утро, — произнесла она с ледяной, подчеркнутой вежливостью, которая, казалось, была способна заморозить воздух вокруг неё. — Распишитесь здесь?

Она грациозным, отработанным жестом указала на электронный планшет, который он судорожно сжимал в другой руке. Парень, наконец, опомнился, пришел в себя, покраснел до корней волос и стал неуклюже, дрожащими пальцами искать нужную строку на сенсорном экране. Его руки, покрытые испариной, тряслись, выдавая его крайнее волнение. Когда он, наконец, протянул ей планшет, она быстро, не глядя, поставила небрежную закорючку.

— Спасибо, — пробормотал он едва слышно, все еще не сводя с неё зачарованного, полного немого обожания взгляда.

Афродита взяла из его рук букет, оказавшийся неожиданно тяжелым. Розы были свежими, с крупными каплями воды на бархатных, темно-красных лепестках, источающими тонкий, изысканный аромат. К стеблям была прикреплена маленькая, белоснежная открытка, перевязанная тонкой, шелковой лентой. Она закрыла дверь, чувствуя спиной его обожающий, растерянный, но такой жалкий взгляд. «Он будет вспоминать эту встречу всю оставшуюся жизнь, — подумала она без тени тщеславия или самолюбования. — Будет рассказывать своим друзьям и внукам о том, как видел саму богиню. А я даже не запомню его лица. Вот она, божественная несправедливость красоты, которая одних возносит до небес, а других оставляет прозябать в неизвестности».

Она вернулась в гостиную, небрежно, почти с отвращением, бросила букет на белый кожаный диван. Он упал, как безжизненное тело, рассыпавшись алым пятном на белоснежной поверхности. Розы — символ страсти, любви, романтики, но для неё они были лишь символом чужой похоти, очередной данью её внешности, очередным напоминанием о её роли в этом мире. Она открыла конверт, вскрыв его одним движением, и извлекла оттуда плотную, картонную визитную карточку. Золотое тиснение на белоснежной, дорогой бумаге: «Артур Бергман. Генеральный директор „Global Finance Group“». Очередной король мира, очередной финансовый воротила, решивший, что букет цветов — это ключ к её сердцу и телу. Она скомкала визитку в кулаке, смяв её в маленький, бесполезный комок, и бросила в мусорное ведро, стоявшее рядом.

Она снова почувствовала ту самую, знакомую до боли, всепоглощающую пустоту, которая медленно, но верно разъедала её изнутри, как ржавчина разъедает металл. Пустоту, которую не могли заполнить ни бриллианты, ни цветы, ни восторженные взгляды, ни дорогие подарки. Пустоту, которую могла заполнить только власть. Власть и свобода. Абсолютная, безграничная власть и ничем не стесненная свобода.

Она подошла к панорамному окну и прижалась лбом к холодному, идеально прозрачному стеклу, чувствуя, как холод проникает сквозь кожу, достигая самого мозга. Внизу, на недостижимой глубине, кипела жизнь. Обычная, суетливая, но такая настоящая. Там, в этом огромном, многомиллионном муравейнике, люди строили карьеры, влюблялись, рожали детей, ссорились из-за денег и мирились ради любви, они жили, дышали, чувствовали. Там все было просто и понятно. А она... она была заперта в своей золотой клетке, подвешенной на головокружительной высоте сорокового этажа, в полной изоляции от этого мира. И самым страшным, самым мучительным было осознание того, что ключ от этой клетки находился не у неё, что она

сама добровольно отдала его в чужие руки, променяв свою свободу на призрачный комфорт и иллюзорную стабильность.

Она резко отошла от окна и направилась в ванную комнату, отделанную редким, итальянским мрамором, с огромной, гидромассажной ванной и позолоченными кранами. Открыла кран, и вода с шумом, напоминающим шум горного водопада, полилась в раковину из черного мрамора. Она умыла лицо ледяной водой, словно пытаясь смыть с себя липкое чувство неудовлетворенности, отвращения к собственной жизни, к собственному отражению. Посмотрела на себя в зеркало. Капли воды стекали по её лицу, делая его ещё более юным, незащищенным и трогательным. Но глаза, эти огромные, серые, словно грозовое небо, глаза оставались холодными, как лед, как арктический айсберг. Глаза хищницы, загнанной в угол. Глаза богини, мечтающей о том, чтобы стать просто смертной, но при этом жаждущей абсолютной, божественной власти над миром.

Она должна была что-то менять. И она это сделает. Чего бы это ни стоило. Она разобьет эту золотую клетку, даже если для этого ей придется разбить саму себя.

Её внимание неожиданно привлекла стопка глянцевого журналов, небрежно сваленных на мраморной тумбе возле ванны. Она машинально взяла верхний из них. На глянцевой, лакированной обложке красовалась она сама, вернее, её фотография с последней церемонии вручения престижной кинопремии, где она была в качестве почетной гостьи. Заголовок, набранный крупным, золотым шрифтом, гласил: «Афродита: Секреты красоты самой желанной женщины страны». Она пролистнула несколько страниц, скользя взглядом по фотографиям и тексту. Интервью, фотосессии, статьи о её стиле, о её диете, о её уходе за кожей. Лживые, пустые, бессмысленные слова, написанные безликими журналистами, которые никогда не знали её настоящей, которые создавали и поддерживали этот ненавистный образ, заставляя её соответствовать ему. Образ, который она ненавидела всеми фибрами души.

Она с силой отбросила журнал в сторону, и он, пролетев через всю ванную, шлепнулся на кафельный пол. Хватит. Хватит быть заложницей чужого мнения, чужого вкуса, чужого восприятия. Пришло время действовать. Время охоты. Время перемен.

Она стремительно вернулась в гостиную, взяла свой телефон и, найдя в списке контактов одно-единственное, нужное ей имя, имя человека, который мог помочь ей в осуществлении её дерзких, амбициозных планов, человека, который был так же амбициозен, циничен и беспринципен, как и она сама, нажала кнопку вызова. Она приложила трубку к уху и стала ждать, чувствуя, как сердце начинает биться быстрее, отбивая четкий, взволнованный ритм.

Гудки.

Она ждала, затаив дыхание, словно прыгун перед прыжком в пропасть.

— Алло? — раздался в трубке низкий, бархатистый, но с легкой хрипотцой мужской голос, который она сразу узнала.

— Это Афродита, — произнесла она, и в её голосе, обычно мягком и мелодичном, прозвучали стальные, негибкие нотки, выдававшие её решимость. — Нам нужно встретиться. У меня есть предложение, от которого ты не сможешь отказаться.

Она слушала тишину в трубке, которая, казалось, растянулась на целую вечность, чувствуя, как внутри неё просыпается что-то новое, незнакомое, пугающее и одновременно опьяняющее. Что-то тёмное, опасное и невероятно притягательное. Чувство, которое она не испытывала уже очень, очень давно. Чувство охоты. Она была готова разбить свою золотую клетку изнутри. И ничто и никто не сможет ей помешать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.